

В.В. Белоликов

**Литературная деятельность
Блаженного Августина
против раскола донатистов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
В11

В11 **В.В. Белоликов**
Литературная деятельность Блаженного Августина против раскола донатистов
/ В.В. Белоликов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 148 с.

ISBN 978-5-458-55905-8

ISBN 978-5-458-55905-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

который съ несокрушимой силой логики и знаніемъ исторіи не оставлялъ неразобранными и непроверженными не только принципы, но даже самыя мельчайшія детали ихъ доктрины¹⁾.

Главнѣйшими вопросами полемики Августина являются: а) вопросъ о существѣ Церкви, насколько это связано было съ принципиальнымъ положеніемъ донатизма о своеобразно понимаемой имъ святости Церкви, легшимъ въ основу раскола и бывшимъ однимъ изъ мотивовъ его происхожденія; б) съ этимъ вопросомъ, какъ выводъ изъ него, въ тѣсной связи стоитъ вопросъ о таинствахъ, именно о томъ, чѣмъ обусловливается дѣйствительность ихъ: личностію-ли совершителя или объективными дарами благодати, независимо отъ человѣческихъ качествъ служителей Церкви, потому что теоретическое различіе взглядовъ на существо таинства выразилось и на практикѣ, въ ученіи донатистовъ о необходимости перекрещивать всѣхъ вступавшихъ въ ихъ общество и въ фактахъ перекрещиванія; в) третьимъ вопросомъ полемики, стоящимъ совершенно самостоятельно и безъ связи съ первыми, является вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству и связанный съ нимъ вопросъ о свободѣ совѣсти и правѣ принужденія въ дѣлѣ вѣры. Частное содержаніе ея въ существенныхъ чертахъ таково.

Центральнымъ вопросомъ полемики, около котораго группировались, или—лучше—изъ котораго вытекали другіе вопросы, былъ вопросъ о томъ,—гдѣ истинная Церковь, такъ какъ каждая изъ партій, опираясь почти на одни и тѣ же аргументы, утверждала, что только она одна владѣетъ истинной Церковью. И православные, и донатисты признавали, что существенными признаками Церкви являются:

---

¹⁾ Это особенно обнаруживается въ его сочиненіи: „*Contra litteras Petilianae*“, Lib. II, которое представляетъ собою какъ бы стенографически записанную бесѣду двухъ противниковъ.

единство, каеоличность и святость, но, понимая различно эти признаки, они, исходя изъ одного общаго источника, въ выводахъ расходились весьма существенно. Единству Церкви у донатистовъ, съ точки зрѣнія православныхъ, противорѣчило раздѣленіе его внутри себя на мелкія секты, при чемъ раздѣленіе по ничтожнымъ, съ принципиальной точки зрѣнія, если не сказать больше, поводамъ доходило до взаимныхъ проклятій и насилій со стороны сильнѣйшихъ¹⁾. Каеоличности донатистской общины, понимаемой (каеоличности) ею въ смыслѣ цѣлостности, всеобъемлемости и чистоты ученія, Августинъ противопоставляетъ каеоличность, понимаемую въ территориальномъ смыслѣ; и его точка зрѣнія, базируясь на такомъ пониманіи, оказывается, конечно, болѣе сильною и вѣрною (не съ принципиальной, конечно, точки зрѣнія, а какъ антитеза доктринѣ донатистовъ)²⁾.

Что касается признака святости, то можно съ несомнѣнностію сказать, что различное пониманіе святости Церкви было главною, если не исключительною причиною раздѣленія, и потому, конечно, на него направлено было главное вниманіе полемики.

Донатисты смѣшивали понятіе Церкви видимой, эмпирической съ понятіемъ Церкви идеальной, торжествующей, перенося свойства послѣдней на первую. Свою общину они признавали Церковію въ идеалѣ, и съ этой точки зрѣнія и рѣшали вопросъ, въ чемъ сущность Церкви. Земная Церковь для нихъ не есть всемірное зданіе, зданіе непрерывно строящееся на фундаментѣ—Христѣ, а зданіе уже законченное, общество святыхъ, избранныхъ, и какъ таковое, оно не можетъ терпѣть въ своей средѣ людей порочныхъ, въ особенноти предателей (*traditores*), т. е. людей, запятнав-

---

¹⁾ Напр., *Contra litt. Petilian.* Lib. II. c. XLIII—XLIV, p. 101—4.

²⁾ *Contra litt. Petilian.* Lib. II, c. XXXVII, p. 90—91.

шихъ себя выдачею свв. книгъ во время гоненія Діоклетіана. Это требованіе безпорочности, понимаемой въ данномъ случаѣ въ особенномъ, специфическомъ для раскола, смыслѣ, предъявляется въ особенности предстоятелямъ Церкви, епископамъ и клирикамъ, потому что характеристическимъ признакомъ истинной Церкви, по ученію донатизма, является не объективная вселенская организація, а святость, выражающаяся въ личномъ совершенствѣ ея святителей: истинная Церковь не можетъ имѣть и терпѣть въ своей средѣ порочныхъ святителей; иначе она сама оскверняется ихъ пороками и перестаетъ быть святой, не имѣетъ благодати, таинствъ, сама обращается въ общество предателей. Какъ ап. Іуда утратилъ самымъ фактомъ своего предательства свое апостольское достоинство и на его мѣсто былъ избранъ другой, такъ же точно и священнослужитель, виновный въ предательствѣ, тѣмъ самымъ утрачиваетъ свой санъ¹⁾. Отсюда всѣ таинства, совершаемыя недостойными совершителями, должны быть признаваемы недѣйствительными. Отсюда требованіе со стороны донатистовъ вторичнаго крещенія тѣхъ, которые крещены порочными священнослужителями. Но стоя на такой точкѣ зрѣнія, они неминуемо должны были придти къ противорѣчію. Кто можетъ испытать совѣсть другого такъ, чтобы не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея чистотѣ? О многихъ лицахъ, совершителяхъ таинствъ, совершенно неизвѣстно, каковы они въ нравственномъ отношеніи, каково ихъ поведеніе, убѣжденія и т. д. Какъ поступать въ такихъ случаяхъ? И донатизмъ долженъ былъ сдѣлать уступку, признавъ, что подъ святостью Церкви разумѣется только отсутствіе явныхъ пороковъ и преступленій²⁾. Церковь не можетъ быть опорочена тайными преступленіями своихъ членовъ.

---

¹⁾ Lib. II, c. VII, 17.

²⁾ Lib. I, c. I, p. 2; c. II, p. 3.

По учению же православныхъ, представителемъ которыхъ является Августинъ, конечно, безъ его крайнихъ выводовъ, необходимо различать Церковь воинствующую, Церковь земную, представляемую и созерцаемую нами эмпирически, отъ церкви торжествующей, идеальной. Первая представляется полемъ, на которомъ растутъ вмѣстѣ и пшеница и плевелы ¹⁾, неводомъ, который извлекаетъ вмѣстѣ и хорошую и дурную рыбу, при чемъ, по повелѣнію хозяина поля, плевелы не выдергиваются изъ поля, а остаются расти до послѣдней жатвы. Значитъ, Церковь терпитъ въ своей средѣ и грѣшниковъ и отъ этого не перестаетъ быть святою. Святость ея обусловливается не личными качествами ея членовъ, а характеромъ ея, какъ вселенской организаціи, во главѣ которой стоитъ Христосъ, освящающій человѣка и сообщающій ему Свою благодать въ таинствахъ и установленіяхъ церковныхъ. Спасительная сила Церкви заключается, такимъ образомъ, „въ объективныхъ дарахъ благодати, связанныхъ съ самымъ совершеніемъ таинства, независимо отъ личности совершающаго таинство“ ²⁾. Поэтому, если таинство совершается даже лицомъ омертвившимъ въ грѣхѣ, даже еретикомъ, оно остается таинствомъ Бога живаго, Который всегда чистъ, непороченъ, живъ и никогда не умираетъ ³⁾, и какъ живъ Онъ, такъ живо и таинство, и даже въ мертвомъ грѣхѣ не умираетъ ⁴⁾. Если же таинство совершается лицомъ святымъ, непорочнымъ, опять таки не это лицо оправдываетъ, освящаетъ человѣка, а Христосъ ⁵⁾. Такимъ образомъ, Августину пред-

---

¹⁾ Contra litt. Petillani, Lib. II, p. 41, 53, 61, 108.

²⁾ Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V в. ч. I. Мировоззрѣніе бл. Августина, князя Е. Трубецкого. М. 1899 г. стр. 109.

³⁾ Contra litt. Petil. Lib. I, c. V, p. 6; c. IX—10; c. VII—8.

⁴⁾ Ibid. Lib. II, c. VII, p. 15.

⁵⁾ Ibid. Lib. I, c. V, p. 6.

стояло показать, въ чемъ сущность Церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшить вопросъ, обуславливается-ли спасительная сила Церкви и ея таинства субъективнымъ состояніемъ ея предстоятелей, ихъ личнымъ совершенствомъ, или она коренится въ объективной Божественной организаціи, дѣйствующей и спасающей силою Божіею, независимо отъ человѣческихъ качествъ служителей Церкви¹⁾.

Но этимъ содержаніе полемики блаж. Августина не исчерпывается. Ему предстояла еще задача, задача не менѣе серьезная, чѣмъ первая. Расколъ донатистовъ жилъ идеями сепаратизма какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданско-политическомъ отношеніи. Почвы для этихъ идей нужно искать какъ въ характерѣ и особенностяхъ культурно-соціальной жизни обитателей латинской Африки, такъ и въ своеобразномъ ученіи ихъ о существѣ Церкви. Святость Церкви представляется для нихъ чѣмъ-то географически опредѣленнымъ. „Церковь, какъ общество святыхъ, сохранилась только въ Африкѣ, совпадая съ территоріальными предѣлами донатистской общины“²⁾. Другія церкви, заморскія, по терминологіи донатистовъ, утратили свою чистоту—и донатисты, чтобы смѣшеніемъ съ порочными и предателями не потерять своей чистоты, отдѣлились отъ нихъ. Подъ этимъ скрывался протестъ противъ Церкви вселенской, какъ таковой, противъ принципа вселенской церковной организаціи, существующей объективно, независимо отъ совершенства и достоинства лицъ, ее представляющихъ³⁾.

Къ восточнымъ церквамъ африканцы никогда не обнаруживали особеннаго тяготѣвія. Римская же церковь, хотя и ближе стояла къ Африкѣ, осудила расколъ и тѣмъ, ко-

---

¹⁾ Трубецкой, стр. 109.

²⁾ Ibid. 112.

³⁾ Ibid. 114.

нечно, подорвала и тѣ незначительныя симпатіи, какія проявлялись къ ней раньше. Итакъ, расколъ отдѣлился отъ вселенской Церкви, признавая только свою общину истинною Церковію и бросая грязью въ Церковь, которой даны великія обѣтованія, и которая простирается отъ моря до моря, т. е. по всей вселенной, начиная отъ Іерусалима. Августину предстояло показать, что однимъ изъ существенныхъ признаковъ Церкви является вселенскій ея характеръ, что вселенская Церковь не утратила своей чистоты, не потеряла наслѣдія, данного ей Богомъ, и потребовать отъ донатистовъ объясненія, почему они отдѣлились отъ лона вселенской Церкви.

Духъ сепаратизма обнаружился не только въ отдѣленіи донатистовъ отъ общенія со вселенскою Церковію, но еще больше въ возрѣніи на отношенія между Церковію и государствомъ, каковое возрѣніе упорно проводилось ими въ жизнь. Донатизмъ былъ знаменемъ, собравшимъ около себя туземные элементы, противящіеся Риму и его цивилизации. „Какое дѣло императору до Церкви?“, сказала Доната картагенскій, встрѣчая императорскихъ уполномоченныхъ¹⁾, и въ этихъ словахъ донатизмъ ясно выразилъ идею полного отдѣленія Церкви отъ государства. Помимо вѣчной ненависти къ Риму, здѣсь не малую роль играло и то обстоятельство, что гражданское правительство осудило расколъ и преслѣдовало его. Что этотъ мотивъ имѣлъ не маловажное значеніе для выработки указаннаго возрѣнія, на это можно видѣть указаніе въ словахъ Петиліана, что цари вѣка сего являются только враждебными по отношенію къ христіанамъ²⁾, и въ той аргументаціи этихъ словъ, какую онъ далѣе и представляетъ. Это возрѣніе выразилось и практически, въ цѣломъ рядѣ противленій свѣтской власти.

---

¹⁾ В. Герье, Блаженный Августинъ, 481 стр.

²⁾ Contra litt. Petil. Lib. II, с. XCII, p. 202.

Циркумцелліоны, Гильдонъ, Вандалы—вотъ три слова, которыя могутъ много сказать человѣку, знакомому съ исторіей донатизма. Насколько искренни были донатисты въ своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ, сказать трудно. Августинъ указываетъ намъ на нѣкоторые факты ¹⁾ (обращеніе донатистовъ къ императорамъ Константину Великому, Юліану Отступнику, связь съ Гильдономъ), которые набрасываютъ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на искренность ихъ. Быть можетъ, если бы свѣтская власть относилась снисходительно къ нимъ, они держались бы иныхъ воззрѣній. Какъ бы то ни было, но Августину пришлось встрѣтить не мало упрековъ со стороны апологетовъ донатизма въ томъ, что православные прибѣгаютъ за помощью къ свѣтской власти, подстрекаютъ ее на преслѣдованіе донатистовъ, представляютъ ей ложь вмѣсто истины. Августину предстояло показать, что „добрыя дружественныя отношенія Церкви къ царямъ не составляютъ грѣха“ ²⁾, что цари имѣютъ право защищать истинную религію отъ нападокъ на нее со стороны нечестивыхъ, имѣютъ право наказывать еретиковъ, и въ дальнѣйшемъ—выдвинуть свое „*coge intrare*“. А на обвиненіе въ томъ, что православные, вмѣстѣ со свѣтскою властію, преслѣдуя раскольниковъ, дѣлаютъ многихъ мучениками, Августину предстояло отвѣтить разъясненіемъ, въ чемъ онъ понимаетъ истинное мученичество, и удовлетворяютъ ли идеалу мученичества мученики донатистовъ.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе полемическихъ сочиненій Августина противъ донатистовъ. Конечно, не во всѣхъ сочиненіяхъ онъ занимается подробнымъ разсмотрѣніемъ всѣхъ вопросовъ. Въ нѣкоторыхъ онъ дѣлаетъ это, въ другихъ обращаетъ преимущественное или даже исключительное вниманіе на какой вибудь интере-

---

¹⁾ *Ibid.*, *lib.* II. p. 224.

²⁾ Кутеповъ, Расколь донатистовъ Казань. 1884 г. 135 стр.

сующій вопросъ, слегка касаясь, а иногда и совсѣмъ обходя другіе вопросы. Это, конечно, объясняется цѣлію и значеніемъ его полемическихъ сочиненій.

Что касается пріемовъ полемики, то они были различны, что обусловливается, конечно, обстоятельствами, цѣлію полемики и личнымъ характеромъ полемиста. Для Августина представлялось, что истина, ясно и опредѣленно выраженная, способна сама по себѣ увлечь сердца людей. Для этого, конечно, необходимо было бы излагать положительное ученіе, стараясь о томъ, чтобы изложеніе отличалось, съ одной стороны, ясностію и опредѣленностію, чѣмъ избѣгалось бы непониманіе вообще или превратное пониманіе, съ другой—особыми красотоми, вліяющими на душу читателя. Насколько могло удасться и удалось первое, мы можемъ судить на основаніи того, что Августинъ былъ блестяще образованный человѣкъ, боевой риторъ, знакомый съ законами діалектики и элоквенціи, человѣкъ съ тонкимъ анализомъ, который могъ замѣтить діалектическія хитросплетенія и распутать ихъ. Истина Августинова ученія настолько была ясна для донатистовъ (хотя по своему фанатизму они не слѣдовали за нею), что они ничего такъ не боялись, какъ того, чтобы ихъ сочиненія, папирскія посланія и т. п. не попали въ руки Августина, который бы не оставилъ безъ вниманія ни одного пункта, а подвергнувъ все безпощадной силѣ своего анализа, привелъ бы *ad absurdum* положенія противниковъ и въ противоположность имъ засвѣтилъ бы яркій свѣточъ истины, стараясь при этомъ о томъ, чтобы его слова не могли ни въ комъ возбудить сомнѣнія и не послужили къ соблазну. Блестящее природное дарованіе Августина, котораго въ немъ никто никогда не отрицалъ, его образованность, знакомство съ риторикой и діалектикой, его широкое христіанское образованіе, которое особенно обнаружилось въ широкомъ пользованіи имъ св. Писаніемъ и св. Преданіемъ, знаніе исторіи, — все это

соединилось вмѣстѣ въ его полемическихъ сочиненіяхъ. Не имѣя возможности бороться съ нимъ прямо и открыто, вожди донатистовъ старались набросить на него тѣнь, упрекали его въ знакомствѣ съ риторикой и діалектикой, будто бы несомвѣстимыми съ христіанствомъ. Петиліанъ въ своихъ сочиненіяхъ обвиняетъ Августина въ діалектикѣ, выставляя ее на позоръ предъ судомъ народа, какъ мастерицу лжи, и отождествляя Августина съ риторомъ Тертуллою, противникомъ ап. Павла¹⁾. Еще болѣе рѣзко отзываясь о діалектикѣ Августина другой его литературный противникъ, грамматикъ Кресконій, полагающій сущность діалектики въ умѣнїи спорить и потому упрекающій Августина въ томъ, что онъ спорщикъ²⁾. Августину пришлось выступить защитникомъ діалектики, при чемъ пришлось выяснять ея сущность. Это—искусство, научающее лишь доказывать, что изъ чего слѣдуетъ, истинна ли изъ истины, или ложь изъ лжи, и оно нисколько не страшно для христіанскаго ученія³⁾. Къ діалектикѣ прибѣгалъ ап. Павелъ (Дѣян. 17, 18); и даже самъ Христосъ не уклонялся отъ бесѣды съ фарисеями, не смотря на ухищренія уловить Его на словѣ⁴⁾.

Вмѣстѣ съ діалектикой Августинъ пользовался и краснорѣчіемъ, искусствомъ красиво, изящно, съ риторическими приемами и украшеніями, или какъ выражается самъ Августинъ—способностью складно (*congruenter*) сказать то что мы думаемъ; прибѣгать къ нему надо тогда, когда мы правильно думаемъ, но не такъ, какъ пользовались имъ еретики⁵⁾.

---

¹⁾ Герье. Блаж. Августинъ, стр. 500. *Contr. litt. Petilian, lib. III. c. XVI, 19.*

²⁾ *Contra Cresconium Grammaticum partis Donati. Lib. 1, c. 2; c. II, p. 3.*

³⁾ *Ibid. p. 19—20, 25.*

⁴⁾ *Ibid. p. 14, 17.*

⁵⁾ Герье. Блаж. Августинъ, стр. 501.

Что касается тона полемических сочинений Августина, то его полемика въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ полемики его противниковъ. Тонъ его сочиненій, какъ онъ однажды выразился, — „мирный“¹⁾. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно усмотрѣть юморъ и даже сарказмъ, объясняемый, конечно, страстностью полемики, но не смотря на это, Августину нельзя отказать въ корректности и благородствѣ. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ встрѣчался съ оскорбленіями, ругательствами литературнаго противника, онъ какъ бы извиняетъ его, приписывая ихъ не злобѣ, а умственной слѣпотѣ, неразумію, глупости противника²⁾. Насъ удивляетъ тонъ его обращенія къ вождямъ донатистовъ.

Такимъ образомъ, хотя Августинъ и не пренебрегаетъ средствами діалектики, однако онъ превосходитъ своихъ противниковъ искренностью и христіанскимъ смиреніемъ³⁾.

Къ полемическимъ трактатамъ близко примыкають письма, писанныя Августиномъ къ разнымъ лицамъ по различнымъ поводамъ. Всѣ письма Августина, имѣющія отношеніе къ исторіи борьбы его съ расколомъ, можно раздѣлить на три класса. Одни изъ нихъ были адресованы къ православной паствѣ, друзьямъ, знакомымъ, сотрудникамъ на нивѣ Христовой⁴⁾. Въ нихъ можно найти не мало историко-полемическаго матеріала, представляемаго имъ для предупрежденія и предохраненія православныхъ отъ заблужденій и козней раскольниковъ и, попутно, для обличенія послѣднихъ. Другія—адресованы къ свѣтской власти, такъ какъ послѣдняя всегда внимала голосу Августина и нерѣдко сама обращалась къ нему съ запросами по тѣмъ или инымъ

---

¹⁾ Cont. litt. Petil. Lib. I, c. I, p. I.

²⁾ Ibid. Lib. II, p. 76, 78, 152.

³⁾ Герье. Блаж. Августинъ, 508.

⁴⁾ Письма: 22, 43—44, 53, 58, 61, 70, 107, 111, 112, 142, 144. Migne. t. 33. P. L.